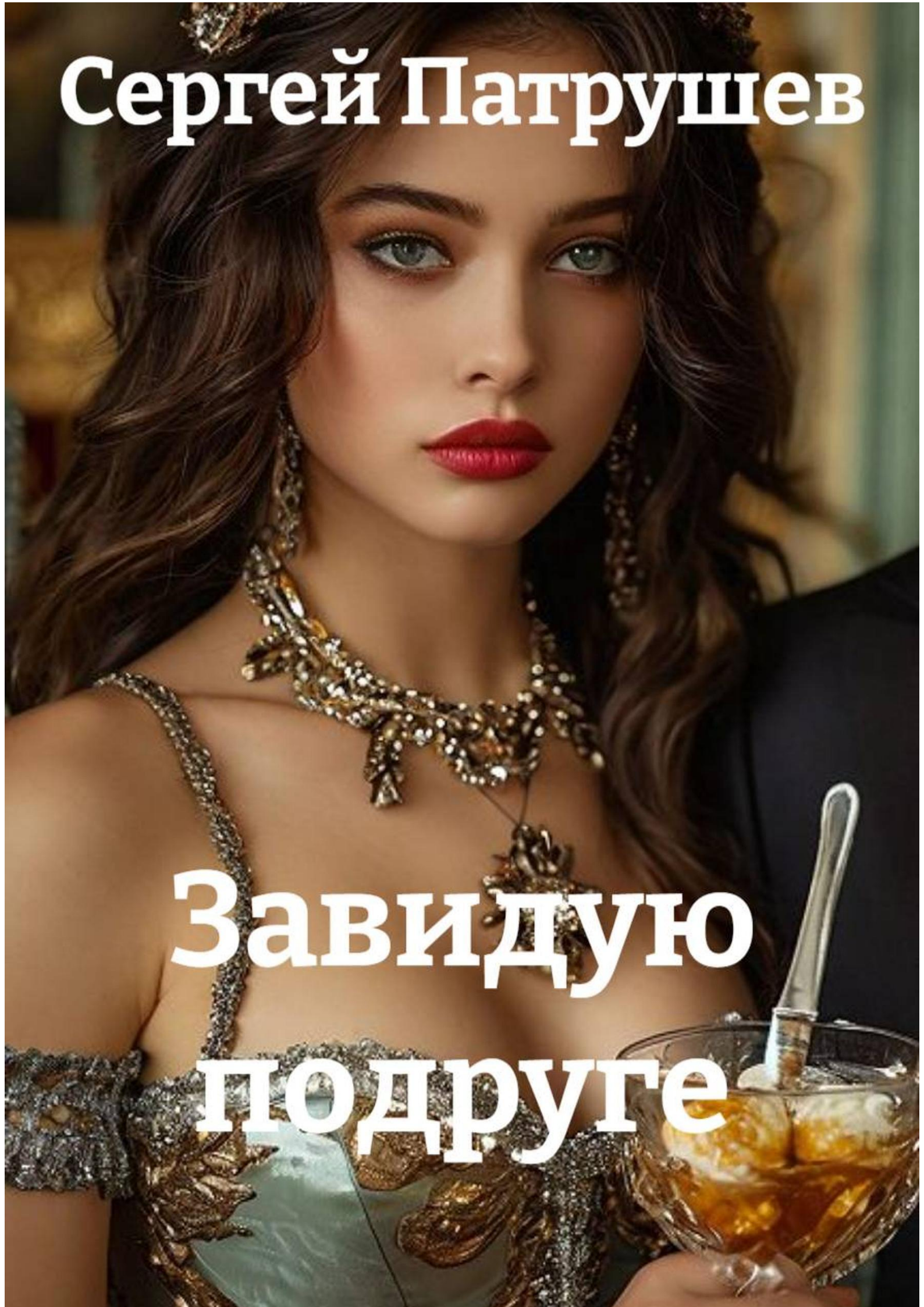

A close-up portrait of a woman with long, wavy brown hair and light blue eyes. She is wearing a highly ornate, off-the-shoulder dress with intricate silver and gold jewelry, including a large necklace and a headpiece. She is holding a glass of amber-colored liquid with ice and a silver spoon. The background is softly blurred, showing hints of other people in a social setting.

Сергей Патрушев

**Завидую
подруге**

Сергей Патрушев
Завидую подруге

«Автор»

2026

Патрушев С.

Завидую подруге / С. Патрушев — «Автор», 2026

Алиса привыкла быть тенью своей лучшей подруги — ослепительной Вероники, которой мужчины дарят цветы, бриллианты и бесплатные десерты, пока сама Алиса не может добиться даже стакана воды за чужой счет. Измученная завистью и чувством собственной невидимости, она решается на отчаянный шаг — взять кредит, перекроить внешность и научиться играть по чужим правилам, но попытка стать Вероникой оборачивается крахом: мужчины всё равно считают её неуверенность, а мир продолжает делить женщин на "красивых" и "удобных". Когда напряжение достигает предела, Алиса взрывается, выплескивая подруге годы накопленной горечи. Неожиданное признание Вероники переворачивает всё с ног на голову: оказывается, у жизни "королевы" тоже есть своя цена. Это история о женской дружбе, зависти и принятии себя в мире, помешанном на внешности. О том, как перестать мерить себя чужой линейкой и найти достоинство, которое невозможно купить.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Невидимка в её тени	5
Г	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Завидую подруге

Глава 1. Невидимка в её тени

Запах ударил в нос сразу же, как только тяжелая, обитая потрескавшимся черным дерматином дверь с глухим стуком закрылась за моей спиной. Этот запах был многослойным, сложносочиненным, как дорогие духи, только составленным из куда более прозаичных нот. Первым слоем шел табак — не сигаретный дым, а тот, что намертво въелся в деревянные балки потолка, в обивку диванов, в каждую нитку ковра за долгие годы, когда курить в барах еще разрешалось. Вторым слоем, перебивая затхлость прошлого, плыл тяжелый, приторный аромат дешевых коктейлей — «Секс на пляже», «Куба либре», чего-то ядовито-синего с кокосовым сиропом, что так любят заказывать студентки. И, наконец, третьим, едва уловимым, был запах железа — мокрого металла от системы кондиционирования, которая работала на пределе возможностей, безуспешно пытаясь охладить разгоряченные тела и кипящие страсти. Все это вместе создавало тот неповторимый букет, который и был запахом бара «Гнездо» вечером пятницы — запахом отчаянного, почти ритуального веселья, в котором мне, как обычно, отводилась роль молчаливого зрителя.

Я замерла на секунду у входа, и не только для того, чтобы дать глазам привыкнуть. Я всегда так делала — брала короткую паузу, чтобы собраться с духом, прежде чем нырнуть в это море чужой, бурлящей жизни. Это была моя маленькая, никому не заметная слабость, мой личный ритуал. Вдох — и ты внутри. Выдох — и ты уже не Алиса, которая час назад тупо смотрела в экран ноутбука, дописывая квартальный отчет, а «подруга Вероники». Приставка, приложение, довесок. Я смотрела, как моя лучшая подруга скользит сквозь толпу, и в очередной раз поражалась тому, насколько мы разные, как будто нас собрали из деталей разных конструкторов, по разным, несовместимым чертежам.

Вероника не шла. Это было бы слишком простым, слишком приземленным словом для того, как она перемещалась в пространстве. Она плыла, текла, как ртуть, находя невидимые проходы между людьми, которые, казалось, сами расступались перед ней, повинувшись какому-то древнему инстинкту. Она не толкалась, не извинялась, не придерживала дверь — она просто была, и этого «быть» было достаточно, чтобы мир раздвигал перед ней свои границы. Её светлые, почти пепельные у пепельных корней и платиновые к кончикам волосы, уложенные крупными, мягкими, словно их только что трепал морской бриз, волнами, в полумраке бара излучали собственное, ничем не объяснимое сияние. Это не был просто свет, отраженный от ламп — это было свечение изнутри, аура исключительности, которую она носила с той же естественностью, с какой дышала. Её изумрудное платье, цвета драгоценного камня, было произведением архитектурного искусства: оно облегало, но не обтягивало, подчеркивало, но не выставляло напоказ. Тонкие бретели, открывающие безупречную линию плеч и ключиц, юбка, заканчивающаяся ровно на том сантиметре, который отделяет элегантность от вульгарности. Она была воплощением продуманной, просчитанной до миллиметра небрежности, и это завораживало. Я, глядя на нее, каждый раз испытывала сложное чувство — смесь искреннего восхищения и глухой, сосущей тоски по чему-то, чего у меня никогда не будет. Я не завидовала её красоте в банальном смысле. Я завидовала тому, как она умеет её носить. Как королева носит корону — не замечая её веса.

Я же двинулась следом, и мое перемещение было именно «ходьбой». Я пробиралась сквозь толпу, бормоча «извините» и «простите», пытаюсь стать как можно меньше, как можно незаметнее, чтобы никому не помешать. Моя серая футболка — мягкая, любимая, застиранная до состояния второй кожи, — была моим панцирем. Мои джинсы, протертые на коленях до белых нитей, были моей броней. Кеды, которые я даже не потрудилась зашнуровать как следует, неудобно болтались на ногах. Мой внешний вид кричал не просто о нежелании выделяться — он кричал о паническом, почти агорафобическом страхе быть замеченной. Парадокс, который рвал меня на части: больше всего на свете я боялась остаться невидимкой, но всё, что я делала, было направлено на то, чтобы слиться со стеной. Рюкзак с книгой, бутылкой воды, зарядкой и таблетками от всего на свете — от головы, от живота, от аллергии, — оттягивал плечо, как якорь. Я купила его на распродаже три года назад, и с тех пор он стал частью меня. Вероника ненавидела его лютой, почти иррациональной ненавистью. Для нее он был символом моего поражения, флагом капитуляции перед миром гламура, который она пыталась мне навязать.

Мы заняли наши места. Я говорю «наши», но это место было, конечно, её. Она выбрала его интуитивно, как полководец выбирает высоту для решающей битвы, в свой первый же визит в «Гнездо» и с тех пор не изменяла ему. Высокие, неудобные стулья у узкой полки, которая и столиком-то называлась с натяжкой. Но стратегически это была гениальная позиция. Не у самой барной стойки, где сидят одиночки, ищущие случайных связей, и не в темном углу, где прячутся парочки. Ровно посередине, на возвышении, на свету, как на сцене. Каждый, кто входил в бар или выходил из туалета, проходил мимо неё. Каждый, кто стоял у стойки, мог видеть её профиль. Я взгромоздилась на соседний стул, ощущая, как жесткое сиденье тут же впивается в бедра. Мое место было чуть позади, чуть в тени. Я всегда садилась так, чтобы быть рядом, но не вместе. Чтобы при необходимости меня можно было принять за случайную посетительницу, а не за часть её свиты. Я поставила локти на холодную, липкую от бесчисленных пролитых напитков столешницу и приготовилась ждать.

Ждать — это был мой главный талант. Я умела ждать так, как не умеет никто. Часами, не шевелясь, погрузившись в свои мысли или в книгу, которую доставала из рюкзака и делала вид, что читаю, хотя на самом деле просто водила глазами по строчкам, не понимая ни слова. Всё мое внимание было настроено на волну предстоящего спектакля. Вероника тем временем поправляла волосы — жест, отточенный до автоматизма, — проводила рукой от виска к затылку, чуть взбивая пряди, и они тут же рассыпались по плечам с новой, еще более совершенной небрежностью. Она сделала глоток воды из высокого бокала, который ей принес бармен без всякого заказа, просто потому что она села. Она обводила зал томным, ничего не выражающим взглядом, словно скучающая царица, которая смотрит на своих подданных и находит их утомительно предсказуемыми. На самом деле она сканировала. Оценивала. Калибровала. Она могла с одного взгляда определить, кто здесь готов расстаться с деньгами, кто ищет легкую интрижку, а кто — жену на ночь. Это был её дар, её проклятие, её профессия, хотя она ни дня в жизни не работала в привычном понимании этого слова.

— Алис, — её голос прозвучал неожиданно, вырвав меня из оцепенения. Она по-прежнему не смотрела на меня, она смотрела куда-то в сторону барной стойки, на компанию молодых людей в дорогих, но безвкусовых рубашках. — Ты опять с этим рюкзаком. Как студентка-первокурсница, честное слово. Я тебе сто раз говорила, купи маленький клатч, черный, без всего. Рюкзак убивает всю женственность, весь шарм. Превращает тебя в подростка.

Я ничего не ответила. Просто пожала плечами — жест, который бесил её больше всего. В рюкзаке лежала книга «Сто лет одиночества», которую я перечитывала в третий раз, бутылка

с водой, потому что я не могла пить сладкие коктейли, пауэрбанк, потому что мой старенький телефон садился к обеду, и упаковка ибупрофена. Что бы я делала со всем этим добром в клатче, который и помаду-то вмещает с трудом? Но спорить с Вероникой было не просто бесполезно — это было опасно. Спор с ней высасывал из меня все силы, оставляя чувство опустошенности и неправоты. Она умела так повернуть любой аргумент, что ты сам начинал верить в свою ущербность. Поэтому я молчала, сжимая лямку рюкзака, как талисман.

Это случилось на исходе седьмой минуты. Я знала это точно, потому что украдкой посмотрела на часы в телефоне, когда мы сели. Семь минут — это был её личный рекорд. Иногда требовалось десять, иногда пятнадцать, один раз, в каком-то занюханном пабе на окраине, мы просидели почти полчаса, и я уже видела, как у Вероники начинается нервный тик. Но в «Гнезде», в её естественной среде обитания, всё работало как часы. Сначала я почувствовала колебание воздуха — кто-то подошел сзади достаточно близко, чтобы нарушить границы личного пространства. Потом услышала запах. Это был не дешевый одеколон из супермаркета, а сложный, многогранный парфюм с нотами сандала, бергамота и еще чего-то древесного, дорогого и уверенного в себе. И, наконец, низкий, хорошо поставленный голос разрезал гул бара, как горячий нож разрезает масло.

— Скучаете, девушки? Или ждете кого-то конкретного? — голос был адресован не «девушкам». Он был адресован Веронике, а множественное число было лишь данью вежливости, фигурой речи.

Я повернула голову. Рядом стояли двое. Они были как с картинки, как из каталога мужской моды, разворот «Вечерний стиль». Тот, что заговорил, был главным. Это читалось сразу, безошибочно, по тому, как он держался — чуть впереди, закрывая друга плечом. Высокий, с рельефными плечами, которые угадывались под безупречно белой, вызывающе простой футболкой, стоившей, вероятно, как половина моего месячного оклада. У него было лицо, которое я про себя назвала «рекламным», — такие лица смотрят на тебя с билбордов, рекламируя часы, машины или средства после бритья. Квадратная челюсть, на которой, казалось, можно точить ножи, легкая небритость, бывшая такой же продуманной, как и укладка Вероники. Светлые, чуть выющиеся волосы, уложенные в идеальный художественный беспорядок. И улыбка — ленивая, уверенная, чуть снисходительная, как у человека, который привык получать всё, что хочет, и даже не допускает мысли об отказе. Его друг был из породы вечных спутников — чуть ниже, чуть плотнее, в клетчатой рубашке с закатанными рукавами. У него было простое, открытое лицо с румянцем на щеках и слегка растерянным выражением, какое бывает у хороших парней, которые не знают, куда деть руки. Его глаза, едва он подошел, приклеились к вырезу изумрудного платья Вероники с такой непосредственностью, что мне стало за него немного стыдно. На меня они оба не посмотрели. То есть они, конечно, увидели, что рядом с Вероникой кто-то сидит, — их зрительные рецепторы зафиксировали объект на периферии, — но этот объект был мгновенно классифицирован как «нецелевой» и отправлен в ментальную корзину. Я была предметом обстановки. Вешалкой для её будущей сумочки.

Вероника отреагировала мгновенно. Это была даже не доля секунды — это был рефлекс, выработанный годами эволюции. Её спина выпрямилась, подбородок чуть приподнялся, ключицы обозначились резче. На лице расцвело выражение легкого, почти скучающего удивления, словно появление двух холеных самцов в баре было для неё событием такого же порядка, как пролетевшая за окном муха. Она повела плечом, и бретелька платья чуть съехала вниз — жест, который был абсолютно произвольным, я знала это, но со стороны выглядел как приглашение.

— Ждем, когда вечер станет интереснее, — промурлыкала она, и её голос обрел ту особенную, вибрирующую глубину, которая появлялась у нее только в моменты охоты. Ни «да», ни «нет», а обещание. Приглашение к игре, в которой она всегда была ведущей, как бы ни казалось партнерам, что они ведут.

— Кажется, мы как раз вовремя, — красавчик, которого я мысленно окрестила Максимом (хотя имя мне еще только предстояло узнать), ослепительно улыбнулся, демонстрируя ряд зубов, которые стоили, наверное, целое состояние. — Я Макс, а это Денис. Мы тут думали заказать самую лучшую текилу, какая только есть в этом захудалом месте, и поняли, что нам просто жизненно необходима компания настоящих ценителей. Вы ведь поможете нам с дегу-стацией? Говорят, один в поле не воин.

Он говорил, и всё его тело, каждый мускул, каждый поворот головы были частью этого представления. Он был хорош, я не могла этого не признать. Он был хищником, таким же, как Вероника, и, возможно, именно поэтому она ему улыбнулась — не дежурной улыбкой, а той, настоящей, которая появлялась, когда она встречала достойного противника. Денис, его друг, просто стоял рядом и кивал, как болванчик, его взгляд всё еще был прикован к её груди, и в этом было что-то трогательное и жалкое одновременно. Он напоминал голодного пса перед витриной мясной лавки.

Я сидела на своем стуле, смотрела на эту немую сцену и чувствовала, как внутри меня сворачивается знакомый, холодный комок. Это была не ревность и не злость. Это была обреченность. Я знала, что будет дальше. Я знала этот сценарий лучше, чем таблицу умножения. Сначала они не заметят меня вовсе. Потом, возможно, минут через пятнадцать, кто-то из них случайно наткнется на меня взглядом и тут же отведет его, как от пустого места. Это было самое страшное — не то, что меня отвергали. Отвергнуть можно только того, кого сначала заметили. Самое страшное — это быть незамеченной. Существовать и не существовать одновременно.

— Ну, даже не знаю, — Вероника игриво нахмурила брови, ее пальцы легли на ножку бокала с водой. Она наконец повернулась ко мне, и я увидела в ее глазах тот особый блеск, который означал: «Подыгрывай». — Мы вообще-то с Алисой обещали друг другу просто тихий девичник. Никаких мужчин, только разговоры и сплетни. Правда, Алис?

Она произнесла мое имя, и в ее устах оно прозвучало как-то чужеродно, почти фальшиво. Это была моя реплика, мой выход. Я должна была сказать что-то вроде: «Да, точно, никаких мужчин», — и многозначительно поджать губы, чтобы они поняли: крепость неприступна, но осада только начинается. Я открыла рот, уже набрала в легкие воздух, чтобы произнести свою коронную фразу, но Макс меня опередил. Он даже не посмотрел в мою сторону — он просто перебил меня на полувздохе, как будто я была радиопомехой, шумом, который нужно заглушить.

— Да ладно, девичник — это же не монастырский обет, — отмахнулся он от моих невысказанных слов, словно муху отогнал. — Мы же просто посидим, поболтаем, культурно отдохнем. Тем более, текила — это святое. Девчонки, давайте к нам за столик? Там и места больше, и диван удобнее.

Слово «девчонки» было употреблено во множественном числе, но приглашение, как и всё в этом разговоре, было адресовано единственному адресату. Вероника, конечно, тут же согласилась. Она спрыгнула со стула с грацией, от которой захватывало дух, и приняла руку Макса, который галантно помог ей спуститься, хотя она в этом абсолютно не нуждалась. Денис, наконец, оторвал взгляд от ее силуэта и, словно впервые меня заметив, пробормотал короткое,

дежурное «И тебе привет», и тут же развернулся, следуя за своим другом и его добычей, как привязанный. Я осталась одна. На жестком стуле. С чувством, будто меня только что окатили ледяной водой, а потом еще и вытерли об меня ноги. Я смотрела, как они втроем движутся к угловому дивану, как Вероника смеется над какой-то шуткой Макса, запрокинув голову и сверкая зубами, и думала о том, сколько раз я уже видела эту сцену. Десятки? Сотни? И каждый раз это причиняло боль. Не меньше, а больше, потому что к боли примешивалось горькое осознание собственной предсказуемости, собственной никчемности. Я знала, что так будет. Я знала, и все равно пришла. Зачем? Ответ был прост и ужасен: у меня не было выбора. Вероника была моей единственной подругой. Единственным человеком, который звонил мне по вечерам и звал куда-то. И если бы я отказалась, я осталась бы одна в своей съемной квартире-студии, с книгой и тишиной. А тишина иногда бывает страшнее, чем унижение.

Я видела, как Вероника усаживается в самый центр кожаного дивана, словно королева на трон, как она небрежным жестом поправляет волосы, как Макс подзывает официантку — молоденькую девушку с усталым лицом и сережкой в носу, — и делает широкий, не терпящий возражений жест. «Нам самую лучшую текилу, какая есть. Лайм, соль. И чего-нибудь сладкого для дамы. Шоколадного». Он говорил это, не глядя на официантку, его взгляд был прикован к Веронике, а рука уже лежала на спинке дивана, не касаясь её плеч, но ясно обозначая территорию. Денис сидел напротив, на самом краешке стула, подавшись всем телом вперед, как человек, который боится пропустить хоть слово. До меня долетали обрывки их разговора, взрывы смеха, звон бокалов. Вероника рассказывала какую-то историю из своей жизни — вероятно, ту самую, про путешествие в Рим и украденный кошелек, которую я слышала раз двадцать. Но сейчас, в её исполнении, она звучала свежо и захватывающе, как будто это приключение случилось с ней только вчера. Я сидела одна. Прошло десять минут. Пятнадцать. Никто не вспомнил обо мне. Никто не повернул головы в мою сторону. Я достала телефон и тупо листала ленту новостей, не понимая ни слова, просто чтобы чем-то занять руки и не смотреть в ту сторону. Но краем глаза я все равно видела. Это было как завороченность катастрофой — невозможно отвести взгляд.

Потом я увидела, как официантка, та самая, с серьгой в носу, несет на подносе нечто. Это было похоже на архитектурное сооружение из взбитых сливок, бисквита и шоколадной крошки, увенчанное коктейльной вишней, которая сияла, как рубин. Десерт был высокий, почти угрожающе высокой, и покачивался при каждом шаге. Она поставила его перед Вероникой, и та, не выходя из образа, театрально всплеснула руками, изображая детский восторг, смешанный с легким смущением.

— Это от нашего бармена, — сказала официантка с той особенной, ничего не выражающей интонацией, какой говорят люди, вынужденные раз за разом участвовать в этом фарсе. — Комплимент самой красивой девушке сегодняшнего вечера.

Вероника замотала головой, приложила руку к груди, что-то зашебетала про то, что она не заслужила, что это слишком, но её глаза сияли от самого настоящего, неприкрытого удовольствия. Она ловко подцепила ложечкой облако сливок, отправила в рот, зажмурилась. Макс смотрел на неё с видом победителя. Он не имел к этому десерту никакого отношения, комплимент был от бармена, но он все равно присваивал себе часть её радости, просто находясь рядом. Я смотрела на это, и в горле у меня пересохло так, что стало больно глотать. Это был третий. Третий бесплатный десерт за этот вечер.

Я мысленно прокрутила назад. Первый — тирамису в креманке, которое принес бармен еще до того, как появились Макс с Денисом, просто потому что Вероника села на свое место и улыбнулась. Второй — шоколадный фондан с жидкой начинкой, который заказал Денис, даже

не спросив, голодна ли она, просто чтобы сделать приятное. И вот теперь — эта башня из сливок и бисквита. А я сидела со своим стаканом воды. Который я сама попросила. У того же усталого бармена. И он налил мне её без единой улыбки, без «пожалуйста», без «может, чего покрепче?». Просто налил и поставил, как ставят миску с водой для бродячей собаки. Я понимала, что это глупо — обижаться на отсутствие бесплатных десертов. Я ведь и не люблю сладкое, в общем-то. Но дело было не в десерте. Дело было в самом факте. В том, что Веронике весь мир несет дары просто за то, что она существует. А я... я даже стакана воды не заслужила. Я должна была встать, подойти, попросить, ждать, пока меня заметят. Я должна была прилагать усилия для того, что ей давалось по праву рождения.

Я поняла, что больше не могу. Внутри меня словно лопнула какая-то туго натянутая струна. Не с громким треском, а с тихим, жалобным звоном. Если я посижу здесь еще хоть минуту, глядя на то, как моя лучшая подруга купается в лучах обожания, которые даже самым краешком, самым слабым своим отблеском не задевают меня, я просто разревусь. Прямо здесь, на этом дурацком барном стуле, перед всеми этими людьми. Я представила себе эту картину: слезы каплют на серую футболку, тушь (которой на мне нет) течет по щекам, Макс и Денис смотрят с брезгливым недоумением, а Вероника закатывает глаза и говорит свое коронное: «Ну вот, опять ты за свое». Нет. Этого я не могла допустить.

Я сползла со стула, чувствуя, как затекли ноги и как неприятно хрустнули колени. Мой рюкзак глухо стукнул по деревянной ножке, когда я его задела. Я ни на кого не глядя, стараясь быть как можно более незаметной — что было несложно, ведь я и так была невидимкой, — направилась к барной стойке. Это был мой собственный, маленький, никому не нужный поход за водой. Поход, который я должна была совершить, потому что ни один мужчина в этом заведении, включая бармена, не счел нужным предложить мне хоть что-то.

Барная стойка «Гнезда» была длинной, массивной, сделанной, как говорили, из настоящего дуба, потемневшего от времени, пролитого алкоголя и тысяч прикосновений. Над ней, на металлических направляющих, висели ряды бокалов — перевернутые вверх дном, они ждали своего часа, поблескивая в янтарном свете. За стойкой царила своя, отдельная жизнь. Два бармена — один немолодой, с усталым, морщинистым лицом, глубокими залысинами и взглядом человека, который видел всё и уже ничему не удивляется, второй помоложе, с модной стрижкой «андеркат» и рукавами, закатанными ровно настолько, чтобы были видны цветные татуировки на предплечьях, — сновали между бутылками, шейкерами и льдогенератором. Они работали слаженно, почти без слов, как давно сыгранная команда. Все места за стойкой были заняты. Я втиснулась в узкий просвет между мужчиной в дорогом, но помятом деловом костюме, который, судя по всему, пришел сюда прямо из офиса и уже порядком набрался, и шумной компанией девушек, которые что-то бурно обсуждали, размахивая руками с идеальным маникюром. Я стояла и ждала.

Просто стояла и ждала. Я чувствовала себя призраком, застрявшим между мирами. Девушки справа от меня не замечали моего присутствия, они продолжали свой разговор, и одна из них, самая высокая, с волосами цвета баклажан, даже толкнула меня локтем, не извинившись. Мужчина слева смотрел в пустоту перед собой, в его глазах стояла та особенная, пьяная пелена. Молодой бармен с татуировками закончил смешивать коктейль для кого-то у дальнего конца стойки, протер руки полотенцем и теперь стоял, облокотившись о стойку, и беседовал с той самой баклажанной девушкой. Они о чем-то смеялись. Я пыталась поймать его взгляд. Я смотрела прямо на него, посылая мысленные сигналы: «Я здесь. Я жду. Посмотри на меня». Но его взгляд скользил мимо, сквозь меня, как будто я была сделана из воздуха. Пожи-

лой бармен, седой и усталый, методично нарезал лайм на тонкие, полупрозрачные дольки. Его движения были механическими, отработанными до автоматизма. Он тоже не смотрел в мою сторону. Я чувствовала, как во мне закипает раздражение, смешанное с отчаянием. Это было так типично. Так предсказуемо. Даже здесь, в месте, где я должна была быть клиентом, потребителем, человеком с деньгами (пусть и небольшими), я была невидима. Мужчина в костюме допил свой виски, со стуком поставил стакан на стойку и, не глядя на меня, жестом подозвал бармена. Пожилой тут же отложил нож, подошел, налил ему еще на два пальца. Не проронив ни слова. Я все еще стояла.

Я чувствовала, как к горлу подступает тот самый ком, предвестник слез. Это было глупо. Безумно, невероятно глупо — расстраиваться из-за того, что тебе не несут десерт, не уступают место, не замечают в баре. Я понимала это умом. Я анализировала свои эмоции с холодностью патологоанатома, вскрывающего труп. Но легче от этого не становилось. Потому что это была не обида на конкретного бармена или конкретного Макса. Это была обида на мироустройство. На вселенскую несправедливость, которая разделила людей на Вероник и Алис. Вероники получают всё — внимание, подарки, десерты, возможности. Они живут в мире, где двери открываются сами, где солнце светит ярче, где воздух слаще. Алисы — мы, Алисы, — должны бороться за каждый глоток, за каждый взгляд, за каждый жалкий стакан воды. И часто проигрываем эту борьбу, даже не начав её. И самое страшное — я подозревала, что это разделение не врожденное. Это не генетика, не разрез глаз и не длина ног. Это что-то другое. Что-то, что Вероника излучала каждой клеткой своего тела, а я — нет. Она верила, что достойна всего этого. Она не сомневалась. А я... я сомневалась всегда, во всем. И эти сомнения, словно кислота, разъедали мою ауру, делали её тусклой, блеклой, незаметной.

Наконец, пожилой бармен соизволил меня заметить. Это не было озарение — просто его взгляд случайно наткнулся на меня, когда он поднял голову, чтобы оценить обстановку. Он подошел медленно, вытирая руки о полотенце, перекинутое через плечо, и молча, с каменным лицом, встал напротив. Ни улыбки, ни дежурного «Что будете заказывать?», ни даже кивка. Просто тишина и вопросительно поднятая бровь. Бровь, которая говорила: «Ну? Чего тебе? Только быстро, у меня много работы».

— Стакан воды, пожалуйста, — сказала я. Мой голос прозвучал тихо, хрипло, как-то извиняющееся, будто я просила не воду, а что-то неприличное, что-то, что ставило его в неловкое положение. Я ненавидела свой голос в такие моменты. Я ненавидела эту просительную, заискивающую интонацию, которая появлялась помимо моей воли.

Бармен ничего не ответил. Он просто кивнул — коротко, резко, — повернулся, взял с полки самый простой, ничем не примечательный стакан, без рисунков, без гравировки, из толстого стекла, и наполнил его водой из пластикового кувшина, который стоял тут же, на подсобном столике. Он не положил дольку лимона, не добавил лед, не воткнул трубочку. Просто стакан воды. Он поставил его передо мной с тем же выражением лица, с каким, наверное, ставил бы еду для бездомного кота. И тут же, не дожидаясь благодарности, повернулся к другому клиенту, который заказал какой-то сложный многослойный коктейль с яйцом и сиропом. Я осталась стоять, глядя на этот стакан. Стекло было холодным, покрытым мелкими капельками конденсата. Вода была прозрачной, чистой. Безвкусной. Как и моя жизнь. Как и я сама.

Я взяла стакан и сделала глоток. Вода обожгла горло холодом, и это немного привело меня в чувство. Но лишь на секунду. Я понимала, что не могу заставить себя вернуться обратно, к дивану, где Вероника уже, наверное, приканчивала свой третий десерт и рассказывала четвертую историю. Мне нужно было спрятаться. Хотя бы на пять минут. Хотя бы для того, чтобы перевести дух и убедить себя, что я не расплачусь на глазах у всей этой блестящей,

равнодушной публики. Я оставила почти полный стакан на стойке — еще один жест, который, будь я Вероникой, стал бы поводом для галантного: «Вам не понравилась вода? Позвольте я закажу вам что-нибудь более достойное», — и на нетвердых ногах направилась в дальний угол бара. Туда, где, как я помнила, находился туалет.

Узкий коридор с тусклой лампочкой на стене и потертой ковровой дорожкой вел к двум дверям. На одной было написано «М», на другой — «Ж», обе надписи были выцарапаны на металлических табличках и частично закрашены черным лаком. Я толкнула дверь с буквой «Ж» и вошла в дамскую комнату. Это было небольшое помещение, отделанное бледно-розовой плиткой, местами треснувшей и потемневшей от времени. Три раковины с зеркалами, две кабинки. На полу, у стены, сиротливо стояло ведро со шваброй. Пахло здесь смесью жидкого мыла «цветочный микс» и какого-то едкого дезинфицирующего средства, которое не столько маскировало, сколько подчеркивало все остальные запахи. Но здесь было тихо. Гул бара — басы музыки, взрывы смеха, звон бокалов — доносился сюда приглушенным, невнятным роко-том, как шум далекого моря. Я прислонилась спиной к холодной плиточной стене и на секунду закрыла глаза.

Я стояла так, слушая собственное дыхание, и пыталась успокоить бешено колотящееся сердце. Оно стучало где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев. Это была паника? Нет. Это было что-то другое, что-то более глубокое и страшное. Это была экзистенциальная тошнота. Чувство, что ты существуешь, но твое существование не имеет никакого значения. Что ты можешь исчезнуть прямо сейчас, раствориться в воздухе, и никто, никто во всем мире этого не заметит. Вероника заметит, но только тогда, когда ей понадобится, чтобы я подержала её сумочку или подтвердила какую-нибудь её выдумку. Макс не заметит никогда. Денис тем более. Бармен забудет мое лицо через секунду после того, как я отойду от стойки. Я была никем. Нулем. Пустым местом. И весь этот вечер, каждая его минута, каждая деталь — от бесплатного тирамису до стакана воды без лимона — были жестоким, беспощадным подтверждением этого факта.

Я открыла глаза и заставила себя отойти от стены и приблизиться к зеркалу. Свет здесь был безжалостный — холодный, люминесцентный, тот, что используется в больницах и моргах. Он не льстил, не скрывал недостатки, а, наоборот, выпячивал их, делал рельефными, как карту местности. Я встала прямо перед центральным зеркалом, положила руки на холодные края раковины и, впервые за этот вечер, по-настоящему на себя посмотрела. Не мельком, не в отражении витрины, а прямо, пристально, как смотрят на незнакомого человека, пытаюсь понять, кто он такой.

Из зеркала на меня глядела девушка, которую я знала двадцать семь лет, но сейчас, в этом резком, беспощадном свете, она казалась мне совершенно чужой. У неё были темные, густые волосы — возможно, единственная её настоящая красота, — но сегодня она не дала им ни единого шанса проявить себя. Они были собраны в небрежный, низкий хвост, перетянутый простой черной резинкой. Никакой укладки, никакого объема, никакого блеска. Несколько прядей выбились и теперь липли к бледным, почти восковым щекам. Бледным — потому что она никогда не пользовалась тональным кремом, румянами, бронзаторами и прочими женскими штучками, которые превращали Веронику в сияющее божество. «У меня нет на это времени», — всегда говорила она, но на самом деле у нее просто не было на это смелости. Она боялась, что, даже нанеся полный боевой раскрас, она все равно останется незамеченной, а это было бы еще больнее — стараться и провалиться.

У девушки в зеркале были глаза. Каре-зеленые, с длинными, загнутыми вверх ресницами, которые достались ей от природы без всякой туши. Пожалуй, это было единственное, что ей в себе нравилось. Но сейчас эти глаза выглядели тусклыми, уставшими, словно подернутыми пеплом. Под ними залегли глубокие тени — результат многих бессонных ночей, проведенных за книгой или просто в гледиении в потолок. В уголках глаз уже намечались тонкие, едва заметные морщинки — первые вестники возраста, который ее пугал не тем, что уходит молодость, а тем, что уходит она сама, незамеченная, непризнанная, нелюбимая. Губы были бледными, сухими, чуть потрескавшимися. Она нервно облизала их, но это не помогло. Она перевела взгляд ниже. Серая футболка, которая когда-то, в далекой магазинной юности, была темно-серой, а теперь, после сотен стирок, стала цвета пыли, висела на ней мешком. Она скрывала все — линию талии, очертания груди, изгиб бедер. Она была не одеждой, а средством маскировки, способом сказать миру: «Не смотрите на меня, здесь не на что смотреть». Джинсы, удобные, растянутые на коленях, с нитками, торчащими из прорех. И кеды — старые, верные, с треснувшей подошвой. Ни одной детали, которая бы кричала: «Я здесь! Я интересна! Посмотри на меня!». Я была ходячей инструкцией по тому, как стать незаметной. Пособием по социальной мимикрии. Серой молью, которая сливается с корой дерева в надежде, что хищник пролетит мимо.

Я всматривалась в это лицо, в эту фигуру, в эту женщину, и чувствовала, как внутри разрастается черная дыра. Я искала в ней хоть что-то. Хоть какую-то искру, какой-то намек на ту сияющую, уверенную в себе богиню, которая сидела сейчас на диване и ела третий десерт. Я пыталась представить, что бы сделала Вероника, стоя на моем месте. Она бы, наверное, первым делом поправила волосы — распустила бы этот дурацкий хвост, взбила пряди пальцами. Потом она бы достала из сумочки помаду — яркую, алую, вызывающую — и одним точным движением нанесла бы её на губы, превратив бледную немочь в чувственный рот. Она бы улыбнулась своему отражению — открыто, смело, с вызовом. Она бы подмигнула. Она бы сказала: «Ну что, красотка, пойдем крушить сердца?». И она бы вышла из этого туалета совсем другим человеком. Потому что она умела себя создавать. А я... я стояла и не могла заставить себя даже просто расправить плечи. Мне казалось, что это бессмысленно. Что никакая помада, никакая укладка не скроют того, что внутри. А внутри была пустота. Или, что еще хуже, твердая, как камень, уверенность в собственной никчемности, которую не спрячешь ни за какими румянами.

И тут меня накрыло. Это было не постепенное осознание, а внезапный, резкий удар под дых. Все мысли, все чувства, все унижения этого вечера спрессовались в одну короткую, ясную, как вспышка молнии, фразу. Я задала себе вопрос, который годами дремал где-то в подкорке, который я старательно глушила книгами, работой, притворным безразличием. Вопрос, который грыз меня изнутри в три часа ночи, когда не спалось. Вопрос, который был одновременно и приговором, и криком о помощи. Я смотрела прямо в зрачки своему отражению. В эти каре-зеленые, тусклые, затравленные глаза. И я спросила. Спросила тихо, шепотом, который был едва громче дыхания, но в тишине пустого туалета он прозвучал как грохот барабана.

— Неужели я настолько страшная? — слова вырвались сами, помимо моей воли. Мой голос дрожал, срывался, он был чужим и жалким. — Что я не заслуживаю... даже просто стакана воды за чужой счет?

Тишина, которая последовала за этими словами, была оглушительной. Я смотрела в зеркало и ждала. Сама не знаю чего. Что отражение ответит мне? Что сейчас случится какое-то чудо, как в сказке, и зеркало скажет: «Ты прекрасна, просто мир слеп»? Нет. Я знала, что чуда не будет. Отражение молчало, и в этом молчании был весь ответ. Оно смотрело на меня с той

же смесью жалости и презрения, с какой, наверное, я сама смотрела бы на бездомного щенка. Жалко, но что я могу поделать?

Я поняла, что плачу. Слезы не текли ручьем, это были просто две тонкие, горячие дорожки, которые скатились из уголков глаз и побежали вниз, к подбородку. Я не рыдала, не всхлипывала. Просто слезы текли сами по себе, и я не могла их остановить. Я увидела, как одна капля упала на серую футболку, оставив маленькое темное пятнышко. В этом было что-то символическое — даже мои слезы не были красивыми, даже плакать я не умела так, чтобы это тронуло чье-то сердце. Я смотрела на свое заплаканное отражение, на покрасневший нос, на припухшие веки, на дрожащие губы, и думала: «Вот она я. Вот моя истинная сущность. Жалкая, серая, никому не нужная женщина, которая плачет в туалете бара из-за того, что ей не дали бесплатный десерт». Я ненавидела себя в этот момент. Ненавидела лютой, чистой, концентрированной ненавистью. За свою слабость. За свою зависть. За свою неспособность быть другой.

Я открыла кран с холодной водой. Вода с шумом ударилась о фаянс раковины, наполнила тишину своим живительным, равнодушным журчанием. Я подставила сложенные лодочкой ладони под ледяную струю, набрала полные пригоршни и плеснула в лицо. Раз. Второй. Третий. Холод обжег кожу, отрезвил, привел в чувство. Я терла лицо с ожесточением, словно пыталась смыть не только слезы, но и саму себя — ту, жалкую и слабую. Я терла до тех пор, пока кожа не загорелась, не запылала. Потом я остановилась и снова посмотрела в зеркало. С мокрых волос, прилипших к вискам, капала вода. Тушь, которой на мне не было, не потекла, и от этого лицо выглядело еще более голым, беззащитным, как у ребенка после ванны. Глаза покраснели, но теперь в них не было слез. В них была пустота. Вакуум. Я смотрела на себя и уже ничего не чувствовала. Ни боли, ни злости, ни жалости. Просто усталость. Бесконечную, вселенскую усталость от необходимости притворяться, что все хорошо. Что меня устраивает роль второй скрипки. Что я не хочу быть на месте Вероники. Что мне не нужны бесплатные коктейли и восхищенные взгляды. Что я самодостаточна и мне никто не нужен. Все это было ложью. Мне было нужно. Мне было нужно то, что было у неё. Мне была нужна та легкость бытия, та уверенность, та любовь мира, которая изливалась на неё золотым дождем. Но я не знала, как это получить. Я не знала пароля. Я стояла перед закрытой дверью и даже не могла в нее постучать, потому что не верила, что мне откроют.

Я вытерла лицо бумажным полотенцем — грубым, коричневым, из тех, что не впитывают, а размазывают воду. Скомкала его и бросила в переполненную мусорную корзину. Потом сделала глубокий вдох. Раз, два, три. Выдох. Я заставила себя расправить плечи. Просто физическое действие, без всякой внутренней мотивации. Мышцы заныли от непривычного напряжения. Я так редко это делала. Я посмотрела на свое отражение в последний раз. Теперь на меня смотрела просто девушка с мокрыми волосами и красными глазами. Уже не та жалкая, плачущая развалина, но еще не уверенная в себе красавица. Где-то посередине. В лимбе. В подвешенном состоянии. Я не знала, сколько еще смогу так существовать — между завистью и самоуничтожением, между желанием быть замеченной и страхом быть увиденной. Но прямо сейчас, в эту минуту, мне нужно было просто вернуться в зал. Просто досидеть этот вечер до конца. Просто дожидаться, пока Вероника наиграется и мы поедем домой. И сделать вид, что ничего не случилось. Что я не плакала в туалете. Что мне не обидно. Что я и так всегда, всю свою сознательную жизнь, умела делать лучше всего. Делать вид, что я железная. Делать вид, что я невидимка и меня это устраивает.

Я глубоко вздохнула, толкнула дверь и снова шагнула в гулкий, прокуренный, пропитанный чужими желаниями и моими разочарованиями полумрак бара. Впереди меня ждал диван,

где сияла Вероника, и остаток вечера, который мне предстояло как-то пережить. А где-то глубоко внутри меня, на самом дне, уже зрел немой, ещё не оформленный в слова вопрос: что дальше?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.